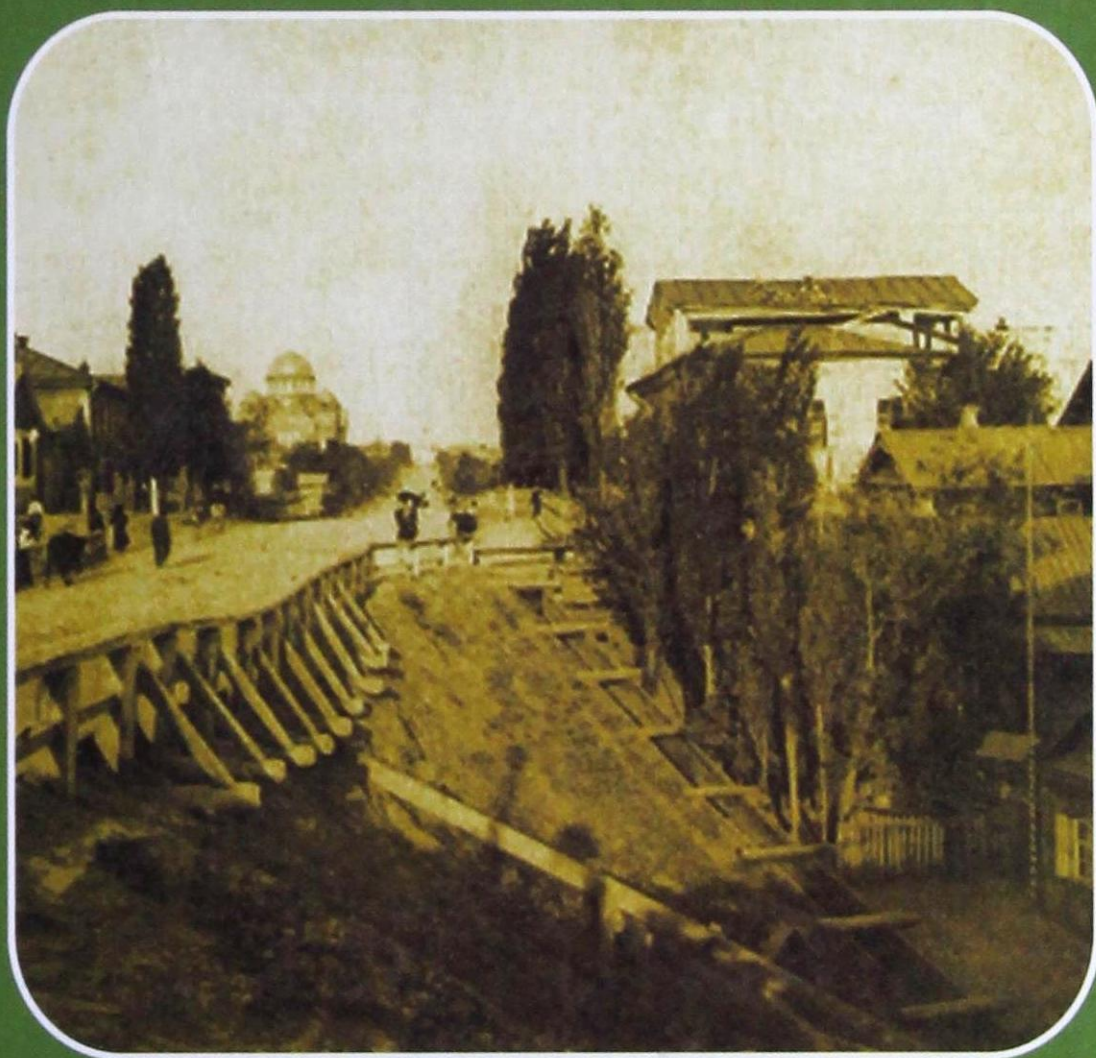

В.Н. Семёнов
Н.Н. Семёнов

Саратов
Мещанский

05

63.3(2)
с 30

В.Н. Семёнов
Н.Н. Семёнов

Саратов мещанский

97003-1 ✓

БАЛАКОВСКАЯ ОБЪЕДИНЕННАЯ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННАЯ
БИБЛИОТЕЧНАЯ СИСТЕМА

Саратов
ОАО "ПРИВОЛЖСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО"
2004

ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
ЦГБ

УДК 908 (470.44–25)
ББК 26.89 (235.54)
С 30

*Федеральная целевая программа
«Культура России»
(Подпрограмма «Поддержка полиграфии и книгоиздания России»)*

**Семёнов Виктор Николаевич,
Семёнов Николай Николаевич.**

С 30 Саратов мещанский. – Саратов: ОАО «Приволжск. кн. изд-во», 2004. – 240 с., ил.
ISBN 5-7633-1072-1

Книга «Саратов мещанский» известных краеведов братьев Семёновых продолжает рассказ о жизни различных сословий дореволюционного города (ранее вышла книга «Саратов купеческий»). Это издание посвящено самому многочисленному сословию – мещанскому. Авторы дают широкую панораму жизни саратовских мещан конца XIX – начала XX веков. Предназначена для широкого круга читателей.

УДК 908 (470.44–25)
ББК 26.89 (235.54)

ISBN 5-7633-1072-1

© Семёнов Виктор Николаевич, 2004
© Семёнов Николай Николаевич, 2004
© Коновалов Александр Григорьевич, оформление, 2004
© ОАО «Приволжское книжное издательство», 2004

МНОГОЛИКИЙ САРАТОВ

В повседневной жизни неоднократно приходилось сталкиваться с определениями «мещанин», «мещане», «обыватель» в отношении нравственно ограниченных людей, озабоченных исключительно удовлетворением своих материальных и безыскусных потребностей, людей глухих к общественным интересам. Однако изначально эти термины несли иную смысловую нагрузку.

Значительную часть населения российских городов составляли посадские, то есть горожане, проживавшие вне «служилого» городского центра и не относившиеся к государевым людям. Особенно это было характерно для окраинных городов, в том числе и для Саратова. 21 апреля 1785 г. Екатериной II была дана жалованная «Грамота на права и выгоды городам Российской империи». Грамота вводила деление городского населения на 6 сословных групп (разрядов), именуя одновременно его мещанами (от слова «место») и обывателями, определяла их права и обязанности. Одну из сословных групп составили посадские, которые «промыслом, рукоделием или работой кормятся», а также не вошедшие в другие разряды, в том числе мелкие ремесленники и торговцы, городская беднота. Посадские стали основным податным населением городов. Они платили подати и несли натуральные повинности, поставляли рекрутов в армию. Они могли заниматься мелкой торговлей и промыслами, участвовать в городском «самоуправлении» при условии годового дохода в 50 рублей. Они должны были вноситься в «обывательскую» книгу с указанием семейного и имущественного положения.

Городское «самоуправление» занималось вопросами благоустройства, развитием торговли и промыслов, продовольственным делом, защитой сословных интересов. С конца XVIII века наименование мещан закрепляется исключительно за посадскими. Для защиты своих сословных интересов они выбирали мещанскую управу. Причисление к данной сословной группе носило в известной степени гибкий характер. Разбогатевшие мещане могли приобрести особые свидетельства и билеты на ведение торговой и промышленной деятельности, что позволяло им перейти в купеческое сословие. Однако если купцы не продлевали свидетельства, стоимость которого составляла от 25 до 265 рублей в зависимости от гильдии, то они списывались в мещанское сословие. Наряду с разорившимися купцами сословие пополнялось наиболее интенсивно выходцами из других сословий. В 1913 г. мещане составляли 40% населения Саратова.

Жизнь этого сословия не была предметом подробного изучения историками в отличие от других сословий, за исключением деятельности отдельных выдающихся его представителей. В конце XX века ситу-

ация радикально изменилась, когда в поле зрения исследователей оказались многие новые проблемы, изучение которых в прежнее время по различным причинам не приветствовалось. Появляются работы, в которых представлена многоплановая история различных социальных слоев дореволюционной России.

В саратовском краеведении этой проблематикой много и плодотворно занимаются местные краеведы В.Н. и Н.Н. Семеновы. Представляемая ими книга является завершением их трилогии, посвященной жизни Саратова: «Саратов купеческий», «Саратов дворянский» и, наконец, «Саратов мещанский». Эта книга призвана заполнить лакуны в истории саратовского мещанства.

К несомненным достоинствам работы следует отнести использование разнообразных источников, в том числе и архивных: делопроизводственных материалов, воспоминаний, в том числе и устных, периодической печати, что позволило наполнить книгу конкретным, нередко живым материалом. Книга объединяет 12 разноплановых и разножанровых материалов, среди которых и документальные очерки, и беллетристические зарисовки.

В своей книге авторы прослеживают историю мещанского сословия, более подробно останавливаясь на деятельности его самоуправления. Приведенные факты позволяют читателю получить представление об основных предметах заботы мещанского общества, о формировании и функционировании мещанской и ремесленной управ. Следует отметить, что в определенной степени эти материалы позволяют судить в целом о мещанском самоуправлении в России.

Большой интерес представляют очерки, посвященные общественно значимой деятельности отдельных саратовских мещан, которые оставили яркий след не только в саратовской истории. Среди них справедливо назван журналист и редактор «Саратовского листка» И.П. Горизонтов; цирковые артисты и предприниматели братья А.А. и П.А. Никитины, положившие начало саратовскому цирку; известный в Москве театральный актер и режиссер М.В. Лентовский; художник В.Э. Борисов-Мусатов, получивший подлинное признание лишь после своей смерти; писатель К.А. Федин. Немало среди мещан было и благотворителей, которые нередко делали щедрые пожертвования. Благодаря им церковь могла заниматься и социальным призрением, а дети из бедных семей могли получить бесплатно ремесленное образование.

Не менее интересны и зарисовки, посвященные различным частям Саратова: улицам, поселкам, слободам, а также быту горожан. Ценность повествованию придает использование большого пласта краеведческого материала, что позволило воссоздать разноплановую панораму жизни горожан дореволюционного Саратова. Это тем более важно, что в имеющейся литературе повседневная жизнь горожан получила довольно слабое отражение. По книге читатель может составить представление как о рабочих буднях мещан, так и об их досуге. Здесь дается описание разно-

образных занятий горожан, а также их развлечений (от известных саратовских гармошек до кулачных боев). Читатель может почерпнуть из книги сведения об организации домашнего хозяйства наших земляков, об их питании, одежде, пристрастиях.

Оригинальную и органичную часть книги составляют беллетристические зарисовки мещанской (в буквальном смысле) жизни тогдашнего Саратова, при помощи которых авторы предприняли во многом небезуспешную попытку реконструировать историю города конца XIX–начала XX веков. Благодаря этому становится более зримой и осязаемой жизнь конкретных людей, их представления и устремления.

Книга, бесспорно, найдет своего читателя. Она не является сугубо историческим исследованием. В этом ее и положительные, и отрицательные стороны. В отличие от монографий ряд ее положений не представляется бесспорным, но вместе с тем это популярное и местами живое и увлекательное изложение нашего далекого и недавнего прошлого, ставшее возможным благодаря неуемной энергии В.Н. и Н.Н. Семеновых. В итоге читатель получил возможность ознакомиться с оригинальной книгой, а критики – не только «пищу» для оценки, но и для написания новых книг по истории Саратова, в том числе и мещанского. Не следует забывать, что идущему впереди всегда труднее.

А.В. ВОРОНЕЖЦЕВ,
*директор Государственного архива
Саратовской области,
доцент, кандидат исторических наук*

МЕЩАНСКОЕ СОСЛОВИЕ В РОССИИ И В САРАТОВЕ

СЛОВО «МЕЩАНЕ» происходит от слов «место» или «място»¹, что в большинстве славянских языков означает «город». Этим именем уже в Московской Руси назывались иногда «черные градские люди», т.е. горожане, занимавшие самое низкое положение в среде городских жителей (мелкие торговцы, ремесленники, поденщики, рабочие, городская беднота). В XVI – XVIII веках они были более известны под названием «посадские».

Посады обычно окаймляли городской центр, где жили (часто на огороженной и укрепленной территории – в Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Астрахани и в некоторых других городах это были кремли) состоятельные горожане – купцы, начальствующие лица, высшее духовенство, высокие военные чины. Посады же в лучшем случае были защищены городским валом и рвом, на подступах к которым устраивались т.н. «надолбы» – деревянные рогатки, препятствующие приближению к линии укреплений вражеской конницы и осадных орудий.

Посадские люди традиционно кучковались по роду занятий, дав начало формированию окраинных слобод, бывших непременно составляющими большого города на Руси и населенных простыми обывателями – в большинстве своем мещанским контингентом. Как правило, в городах имелись гончарная слобода, швейная, сапожная, суконная, рыбная, тулуговая, шапочная, калачная и другие, образовавшие на центральном городском базаре соответствующие ряды, где местный и приезжий люд мог приобрести товар, сработанный в упомянутых слободах.

17 марта 1775 г. был издан особый «Манифест», который назвал мещанами всех городских обывателей, не владевших капиталом в 500 рублей и потому не имевших права быть записанными в купечество. Таких в российских городах оказалось абсолютное большинство – до 60 % городского населения. Остальные его группы входили в число дворян, купцов, духовенства и разночинцев. На особом счету были те, кто служил в армии. Меньшая часть в лице офицерства была приписана к дворянскому сословию, а нижние чины образовывали особую сословную категорию, называемую военной, хотя почти все солдаты были выходцами из низших сословий. Но это военное сословие не было податным, а потому не могло быть причислено ни к крестьянам, ни к мещанам, образовав особую группу.

Городовое положение 1785 г. назвало мещанами вообще всех представителей 3-го сословия (после дворян и духовенства) как «средняго рода людей», констатируя, что название «мещане суть группа градских жителей, кои приобрели отличное состояние вследствие трудолю-

¹ Звучало примерно как «местчане».

бия и добронравия» и «кои кормятся в городе промыслом, рукоделием или работою».

Позднейшее законодательство уточнило, что наименование мещане присвоено «нижнему разряду городских обывателей». В отличие от купцов, записано было в своде правил, мещане представляют собой сословие в полном смысле, т.е. «принадлежность к мещанству наследственна и не обусловлена соблюдением каких-то правил». «По правам своего состояния мещане принадлежат к податным сословиям, несут рекрутскую повинность и от телесного наказания по суду не изъяты», т.е. представители мещанского сословия, как и крестьянского, за провинности могли быть подвергнуты порке – такое положение действовало до реформ 1861 г.

В городах мещанское сословие было подведомственно мещанскому обществу, а мещане, имевшие постоянное жительство в селениях, «доколе не выбудут из оных, подчинены крестьянскому общественному управлению и административно-карательной власти земских начальников». Однако было записано, что эти мещане не подлежат телесному наказанию по приговорам волостных судов. Только уездный суд мог наказать мещанина розгами, хотя в отношении крестьян подобная мера определялась и волостными органами правосудия, т.е. небольшая привилегия перед крестьянами у мещанского населения все же имелась.

Если городские мещане уличались в «засорном поведении» и «недостойном образе жизни», то мещанские общества имели право на принудительное выселение в Сибирь «порочных и развратных своих членов». А до того по мирским приговорам к провинившимся мещанам принимались «меры исправительныя, а именно – отдача в разные работы: казенные, городские, частные на срок от 1 до 2 месяцев, во второй раз – от 2 до 4 месяцев, и в 3-й раз – от 4 до 6 месяцев».

До 1866 г. все мещане платили подушную подать, а затем она в отношении мещан-собственников была заменена налогом с недвижимого имущества в городах, посадах и местечках. С разрешения губернатора в тех городах, где было введено городское положение, могли быть учреждены по общественному приговору мещанские управы. Состав последних законом не определялся, а все должности по мещанскому управлению были «безвозмездны», т.е. никакого жалованья из государственной казны ни мещанский староста, ни члены управы не получали. Содержание их определялось тем же общественным приговором и могло быть существенно различным в разных городах и регионах. Но прямая зависимость между финансовым положением мещанского общества и обеспечением его выборных и нанятых работников, конечно, существовала, поэтому управа и старалась поставить дело так, чтобы общественная польза ее деятельности зримо выражалась в увеличившейся доходности, что несло выгоду и всем членам общества, и персонально мещанскому старосте.

Мещанское общество, выносящее «приговоры», формировалось в городах из расчета одного депутата с каждых пяти мещанских дворов, а в некоторых населенных пунктах – с десяти дворов. Мещанское состояние сообщалось рождением, браком (если жена не имела прав высшего сословия), усыновлением. Приобреталось оно также припискою к какому-нибудь мещанскому обществу. По общему правилу приписка эта совершалась не иначе как по приемному приговору мещанского общества; при этом лица, ранее принадлежавшие к какому-нибудь крестьянскому или мещанскому обществу, должны были представить увольнительный приговор из прежнего своего общества. По приеме новозаписанные в общество мещане обязаны были избрать «род жизни», т.е. определиться, каким трудом будут добывать себе пропитание.

Для приписки к обществу лиц, ранее не принадлежавших ни к какому состоянию (например незаконнорожденных, питомцев воспитательных домов, безвестных сирот), требовалось «одобрение» не менее шести благонадежных граждан-домохозяев и согласие мещанской управы. Последняя имела право отказать в своем согласии тому из претендентов, кто был «опорочен» по суду или имел «явный и доверие нарушающий порок, всем известный, хотя судим не был». Но на практике эти строгости при приеме в мещанское сословие соблюдались далеко не всегда и не везде. Все зависело от укоренившихся традиций на местах. В южных и окраинных городах Российской империи, где миграция населения была более интенсивной, все установленные формальности соблюдались редко – просто некогда было разбираться с каждым приехавшим.

Мещанская среда была очень консервативной. Семьи городских жителей среднего и малого достатка жили веками заведенными и сохраняемыми порядками. В советское время, когда укоренялись постоянно всевозможные бытовые и идеологические новации, термин «мещане» приобрел некий негативный оттенок, символизировавший якобы косность и домострой, малограмотность и малокультурность, что, конечно же, препятствовало внедрению в сознание советских граждан новых социалистических понятий – ЖК, соцсоревнование, классовая борьба. На самом деле мещане составляли основную и здоровую часть городского общества. Они были основными производителями и потребителями материальных благ и хранителями городских традиций и порядков.

Следуя старинным сословным правилам и заповедям, мещане, однако, четко различали здоровую консервативность и огульное неприятие веяний времени. Здравый смысл и смекалка оставались всегда их отличительной чертой, а потому, к примеру, любые полезные в хозяйстве и быте технические новшества успешно приживались в мещанской среде – будь то швейная машинка или граммофон, или охотничье ружье новой конструкции, или лампа «Летучая мышь» – в свое время последняя обрела стремительный и широкий спрос в домах го-

родских и сельских жителей, заменив привычные лучины, свечи и факелы.

Несколько хуже в мещанской среде обстояло дело с культурными ценностями. Довольно долго (во времена А.Н. Островского) она была частенько подлинным «темным царством», куда лишь изредка проникал «луч света», сеявший переполох среди привыкших к тишине и скуке обывателей. Значительная часть их была неграмотной и никаких книг, кроме Божественных, не признавала. Но в последней четверти XIX века ситуация начала меняться. Прогрессивные реформы 1860-х годов существенно пополнили ряды городских жителей за счет ринувшихся в города крестьян, обретших «волю». Но они же, реформы, вызвали повсеместное открытие новых школ, училищ, гимназий. Резко возросло число грамотных среди простых людей, а иные из них не так уж редко продолжали образование в средних специальных и высших учебных заведениях, если удавалось как-то решить вопрос с оплатой за право учения. Трезвое осмысление происходящих перемен подсказывало немалую выгоду от приобретения знаний и совершенствования навыков в торговой, коммерческой, технической сферах. А потому вместе с купечеством мещане обратили свой взор к просвещению, к книгам, к постижению законов природы и человеческого развития. В Саратовской губернии за период с 1870 г. по 1880 г. число школ увеличилось с 326 до 616, а число учащихся с 8143 до 65112 человек – впечатляющие цифры! В дальнейшем прогресс в этом направлении был еще более ощутимым...

Учиться шли, чтобы преуспеть в деле, в промысле, в торговле, а культура столь практического применения не имела. Исключение, конечно, составляли таланты и самородки, которые с детства были замечены, скажем, в пристрастии к рисованию – этих правдами-неправдами, обычно с помощью мудрых и состоятельных меценатов, определяли в художественные училища или даже в столичные академии. Но в массе своей мещане никаких искусств не жаловали. Из «живописных» работ признавали они разве размалеванные клеенчатые коврики над кроватью с замками и лебедями. Музыкальные пристрастия ограничивались гармошкой, балалайкой, реже – гитарой. Театра, за редким исключением, не посещали – далеко в центре города, дорого, темно и страшно добираться по вечерам. Пожалуй, с удовольствием принимали мещане совсем малые формы сценического искусства – балаганы, они устраивались в Пасхальную неделю на центральной площади города. В балаганах разыгрывались незатейливые и короткие пьески на понятные народу темы – в них фигурировали обычно Иванушка-дурачок, коварный злодей, глупый король, красавица-принцесса. Или показывались какие-нибудь «таинственные превращения» с «роковыми явлениями»: «отрубанием головы», «нападением людоеда», «пришествием в полночь привидения».

В начале XX века обрело также популярность в мещанской среде новоявленное детище цивилизации – синематограф. Посещали про-

стые люди больше дешевые окраинные синематографы, размещенные в деревянных сарайчиках (которые, кстати, часто сгорали), где можно было вести себя раскованно и непритязательно: грызть семечки и плевать на пол шелуху, кричать, свистеть и топтать ногами, реагируя на перипетии сюжета, или с удовольствием обрушивать свой гнев на «сапожника» – киномеханика, допустившего сбой в показе картины.

Однако повышение общей образованности мещанского населения обязательно имело следствием и повышение его культурного уровня. Проживая в городах, мещане все же были ближе, нежели другое низшее сословие – крестьяне, к газетам, музеям, выставкам, просветительным обществам, что пышным цветом расцвели в губернских и

столичных центрах. Недавно еще темные и невежественные, иные представители этого сословия невольно становились более цивилизованными гражданами – потребителями электричества, пользователями современных заводских технологий, пассажирами парохода, поезда, трамвая, свидетелями примечательных созидательных акций в городской жизни – открытия Радищевского музея, открытия университета, консерватории, сооружения памятника Александру Второму, возведения архитектурно совершенных гражданских и промышленных объектов – Крытого рынка, главного почтамта, гостиницы «Астория» и т. д. Все это поднимало и степень образованности мещан, и их культурный уровень, расширяло кругозор. И говорить о «темном царстве» в начале XX века в мещанской среде можно лишь с большой натяжкой.

Но сказанное, естественно, не означает, что прогресс захватывал поголовно всех мещан. Встречались среди них и очень пожилые, и излишне набожные – равнодушные к поступи прогресса, и ленивые, и порочные, и ужасающе бедные. Таких в мещанском обществе абсолютно и относительно было, конечно, больше, чем среди дворян и купцов. Не до прогресса и цивилизации таким было. Эта категория городских жителей чаще примыкала к беднейшим слоям, к люмпенам, к персонажам знаменитой горьковской пьесы «На дне». А вообще, из мещан выходили обычно ремесленники, рабочие, поденщики, мелкие торговцы – об этом уже говорилось. Служило мещанство и питательной средой для разночинной интеллигенции – учителей, врачей, писателей, художников, актеров – примеры того же М. Горького и Ф. Шаляпина это убедительно подтверждают. Таких средних мещан было большин-

ство, и уровень их жизни оставался по тогдашним меркам достаточно умеренным.

Ну и, наконец, была среди мещан и привилегированная прослойка – крепкие состоятельные хозяева, владельцы добротной недвижимости и обширных городских земельных участков, удачливые цеховые мастера и торговцы, какие-либо редкостные умельцы – профессионалы высшей квалификации в постоянно востребуемых промыслах. Они нередко переходили в купеческое состояние или даже «покупали» себе дворянство через усердную благотворительность, крупные пожертвования на государственные проекты, поддержку начинаний и инициатив августейших особ и высокопоставленных чиновников. Таким примером стал саратовский мещанин Аким Никитин, цирковой артист, режиссер, предприниматель, основавший в пику подвизавшимся в России западным циркачам Русский национальный цирк, где доминировали русские традиции и русские артисты. Будучи состоятельным человеком на склоне своей жизни, но в расцвете карьеры, Аким Александрович вступил в члены Московского совета детских приютов ведомства императрицы Марии Федоровны. Он заплатил крупный вступительный взнос, а потом ежегодно делал пожертвования на нужды приютов в сумме 300 рублей. За это пожалован высочайшей грамотой на звание «Потомственный почетный гражданин» и почетным орденом, что открыло ему путь в дворянское сословие.

Как видим, расслоение мещанского общества по степени состоятельности было значительным. В мещанах ходили и городские бедняки-поденщики с доходом 5 рублей в месяц, и владельцы крупной недвижимости и земли, гласные Городской думы и почетные председатели всяких благотворительных структур. Но, несомненно, основная масса мещан составляла в российских городах, и в Саратове в том числе, средний класс. Представители его, как правило, были честными работягами, нелегким трудом добывавшими своим семьям умеренный достаток. Показательно, что слово «мещане» переводится на английский язык как «люди среднего класса» – «middle-class persons». Однозначно, что этот класс обеспечивал стабильность в российском обществе. В случае общественных и социальных катаклизмов, когда материальное положение основной массы городского населения резко ухудшалось, именно в недрах его зрела революционная крамола, готовая при неблагоприятном развитии событий выплеснуться на улицы в виде забастовок, демонстраций, стычек с властями, а затем и насильственного свержения господствующей власти. Это при всем нерасположении мещан к нарушению существующих устоев и порядков и как реакция на изменившиеся условия, сделавшие жизнь мещан невыносимой, а потому уязвимой для «красной» пропаганды. Поэтому-то наличие в обществе широкой прослойки трудовых людей, довольных своей жизнью, работой и досугом, удовлетворенных привычной чередой будней и праздников, хоть и без особых претензий на высокие проявления ума

и интеллекта, а больше в рутинных заботах о хлебе насущном и в привычных нехитрых развлечениях, всегда было положительным признаком, свидетельствующим, что бытие государства стабильно и предсказуемо. Это как раз то, чего не хватает в сегодняшней российской жизни...

САРАТОВСКАЯ МЕЩАНСКАЯ УПРАВА

МЕЩАНСКИЕ УПРАВЫ в России как органы сословного управления существовали в уездных и губернских городах и ведали учетом мещан в данном населенном пункте, налогообложением и распределением повинностей. В сферу их деятельности входило проведение рекрутских наборов, опека над имуществом умерших и над малолетними наследниками, разрешение конфликтных ситуаций, контроль за переходом мещан в другие сословия, прием в мещанское сословие новых членов, выдача паспортов и иных разнообразных документов и свидетельств, необходимых для тех или иных целей.

Во главе мещанской управы стояли староста, его помощник (или товарищ) и два члена управы – все они выбирались мещанами, имевшими право голоса, на общем собрании. Отдельно выбирались податный староста и попечительский совет. Выборы до 1892 года проводились ежегодно, а затем – раз в три года.

В XVIII веке и в начале XIX мещанская управа подчинялась городскому голове и городскому магистрату, а позже – губернатору и губернскому правлению. Управа владела денежными средствами, поступавшими от налогового обложения горожан, ей принадлежало и недвижимое имущество – строения и земельные участки в черте города, которые сдавались в аренду.

Средства управы шли на содержание штата, содержание приютов, богаделен, домов призрения, на нужды городского благоустройства. Незначительные деньги выделялись на стипендии студентам и плату за обучение в школах, училищах, гимназиях.

Сведений о дате возникновения Саратовской мещанской управы не имеется. Самые ранние документы, касающиеся ее деятельности и хранящиеся ныне в Государственном архиве Саратовской области, датируются 1769 годом, т.е. мещанская управа в Саратове существовала задолго до того, как наш город обрел статус губернского.

Чтобы разъяснить характер деятельности Саратовской мещанской управы, приведем содержание некоторых архивных документов, показавшихся нам наиболее интересными, памятуя, что рамки настоящей главы позволяют коснуться лишь малой части имеющейся на этот счет информации.

В 1845 году, 11 мая, мещанским старостой из Городской думы была получена бумага, гласящая:

«Его Превосходительство начальник губернии (им тогда был статский советник А.М. Фадеев) в предписание сего мая 7 Градской думе повелел изъяснить, что в Саратове часто встречается он на углах улиц, на площадях и по базарам нищенствующих саратовских мещан, престарелых и калек, и предписал учинить строгий разбор нищих и принять меры к призрению тех из них, кои окажутся бездомными и несостоятельными к приобретению пропитания... О чем Городская дума доводит Вам знать и предписывает наипростойше принять меры к устранению сего беспорядка... А за его продолжение будет строго с Вас взыскано».

Благодаря экстренным мерам со стороны мещанской управы нищенствующие персоны были выявлены – ими оказались саратовские мещане Никифор Попов, Иван Грунин и сестры Аграфена и Пелагея Рукавишниковы, «просящие на рынках, по домам и на углах, и в переулках подавание милостыни». Было произведено «дознание» через «г-на старшего полицмейстера», поведение нищих было признано «зазорным», но наказанию они никакому не подверглись. Единственное, что могла сделать управа, это взять с Попова, Грунина и сестер Рукавишниковых подписку о том, что «впредь мы обязываемся подавание милостыни по базарам и домам не просить и отыскивать себе содержание работою или проживать у родственников... А в случае сего нами неисполнения подвергаем себя суждению по законам, в чем и подписуемся». Правда, вместо указанных «нищенствующих мещан» «по их просьбе свою руку приложил» писец управы, саратовский мещанин Аким Куприн.

Из приведенных материалов видно, что мещанская управа формально была ответственна за искоренение нищенства среди бедных мещан, но в «пожарном порядке» бороться с этим явлением, конечно, не имела возможности по скудости имеющихся средств, почему и смогла сделать лишь отписку в адрес высоких инстанций, хотя вряд ли после этого упомянутые бродяги прекратили свой промысел. Нищих всегда в Саратове и в России было предостаточно, и бороться с ними путем «взятия подписок» было наивно. Но для нас показателен сам факт, попытка, прецедент, указывающий на то, что в принципе мещанская управа в круг своих обязанностей включала и подобную «борьбу», т.е. считала нищенство аномальным явлением и, как мы увидим дальше, по возможности противодействовала этому злу более эффективными и доступными мерами – предоставлением льгот, оказанием материальной помощи и устройством домов призрения...

Важнейшим делом, которым занималась мещанская управа на протяжении длительной дореволюционной саратовской истории, была организация «пасения домашнего скота» на городских выгонах. Скотину (чаще крупный рогатый скот) при своих домах держали, в основном,

«Пасение скота» на угодьях близ Саратова

представители мещанского населения, хотя встречались владельцы коров, коз и свиней и среди дворян, духовенства и купечества. Но последние составляли в общей массе явное меньшинство, потому столь ответственное и жизненно необходимое для простых обывателей дело целиком было подконтрольно мещанской управе.

В середине XIX века, а именно в 1852–1853 гг., во времена правления губернатора М.Л. Кожевникова, в Саратове формировалось семь, как тогда говорили, табунов по районам проживания владельцев скота: Затонский, Горный, Острожный (район, тяготеющий к городской тюрьме), Московский (ближе к современному железнодорожному вокзалу), Царицынский (в районе Царицынского тракта), Дворянский (продолжение Дворянской, нынешней Рабочей улицы) и Ильинский (район Ильинской площади).

По традиции в преддверии весны жители определенных городских кварталов обращались в мещанскую управу с пространной петицией, в ней «давали приговор» какому-нибудь «саратовскому мещанину Алексею Ларионову Бобикову» в том, что «по приближающемуся времени к пастьбе дойных коров под названием Ильинского табуна... мы и на лето сего года желаем допустить к отправлению пастьбы его, Бобикова, как много лет отправляющего сие с отличною ревностью... А в товарищи к нему определить саратовского мещанина Василья Александра Белова, кой в прежние годы быв при пастьбе нашего табуна, заслуживал хорошего мнения... с тем, чтобы они, как сойдет снег, выгнали б скотину в поля, и выгон оный производили до восхода, а пригон – по заходу солнца, имея при табунае каждый по кобелю хорошей породы, шустрому, охочему до стражи».

Получив такую петицию, мещанская управа заключала с названными в ней лицами контракт, который подробно оговаривал условия работы и взаимные обязательства сторон:

1. Во-первых, констатировалось, что «обязываемся мы, пастухи, пасти табун собственными своими силами, и отнюдь не передавать никому другому из сторонних лиц или малолетних».

2. «Набранный нами для пастьбы скот гонять каждое утро от главного пункта, где Сергиевская церковь, где принимать от домохозяев и выгонять за черту города... Всенепременно иметь при себе медный или жестяной рог, в коий трубить в предварение хозяев первоначально на месте, а потом, идучи по улицам. И пригонять скот в удобное место городского выгона, но, однако, не туда, где производится хлебопашество или сенокосение. И пасение иметь по растаянии снега с открытия весны и до того осеннего времени, как пойдет снег и будут морозы».

3. «А по выгону всякую распашку воспрещать, а кто до вспашки будет усиливаться, то о таковых доносить Городской думе, как и о тех, кто самовольно тщиться будет производить захват выгона или рассажение садов или пригородки к хозяйственным заведениям».

4. «Обязываемся иметь в своем табуне на каждую сотню коров для случки с оными по одному быку не старше 8 лет».

5. «Когда ж ежели пасомые нами скотины будут подвергаться вредной болезни, то тотчас нам объявлять о том полиции для принятия надлежащих мер к прекращению оной. А как от испуга грозы одна скотина другую спыряет и причинит ей рану, то объяснить хозяевам чья скотина виновата. А как по неусмотрению нашему скотина уйдет, то мы должны ее отыскивать, и как по одной неделе не найдем, то обязаны заплатить хозяину вдвое. А если чья-либо скотина в поле отелится, то мы теленка должны в тот же день доставить к хозяину и получить за то награды 10 коп. серебром».

6. «Сборы за пастьбу скота получать нам с каждой крупной скотины за все лето 60 копеек, а с малой – 40 копеек серебром, из каковой суммы выделять смотрителю по 3 и по 2 копейки серебром».

7. «И те сборы производить нам в две половины – за первую 1 июня 35 коп. и за вторую 1 октября 25 копеек».

8. «При первом сборе через смотрителя представить в мещанское управление с каждой скотины по 5 коп. в обеспечение какой нашей неисправности, чтобы таковые хранились в управе до того, как кончится пасение. А потом, коль недоимки не случится, никаких препятствий к возвращению нам не будет».

Под этим пространным контрактом подписывались пастухи (или кто-то за них по их неграмотности), поручители и члены управы.

Упомянутые в контракте смотрители назначались мещанской управой. Им выдавалось своеобразное предписание: «Возложенную на Вас должность исполнять без всякого упущения, наблюдая за пастухами, чтобы они от своей обязанности не отступали по контракту... Сверх того, воз-

Дом Образцова на углу ул. Московской и Вознесенской. Здесь находилась мещанская управа с 1903 г. по 1918 г.

лагается на Вашу ответственность смотреть за прогоняемыми через выгонными гуртами, чтобы таковые следовали установленной для того одной только дорогой. В противном же случае, если кто прогонять свои гурты будет самовольно через городской выгон без всякого ему на то дозволения, то таковых останавливать и представлять в тот же час в Городскую думу для поступления с ними по закону... Предваряем Вас при этом, что за всякое по

сему упущение и нерадение, взыскано с Вас строго будет».

Как видим, дело «пасения скота» в старом Саратове было поставлено основательно, и мещанская управа вместе с Городской думой играла в этом немаловажную роль.

Мещанское сообщество в Саратове на рубеже XIX–XX веков насчитывало около 60 тысяч человек. Из них далеко не все имели право голоса при выборах членов мещанской управы, а только те, кто владел в городе недвижимой собственностью – таковых в 1914 году было 1784 человека, а также лица, имевшие торговые свидетельства – их насчитывалось 2074. Списки потенциальных выборщиков в преддверии каждой избирательной кампании публиковались в газетах, причем в течение двух недель в управе принимались претензии на право голоса со стороны обойденных вниманием.

Выборы мещанской управы проходили в Доме управы на Московской улице, в бывшей губернаторской резиденции. Здание это мещанская управа заняла в 1903 году. Выборщики приглашались на выборы повестками, но являлись далеко не все, а самые активные – человек 200–300. Очевидно, заранее намеченные, представлялись собранию кандидаты на должность мещанского старосты, его заместителя и членов управы. Составлялся т.н. «баллотировочный лист», в котором были 10–12 фамилий. Напротив некоторых появлялась подчас приписка – «Не желаю». Так, очевидно, брался самоотвод. Оставшиеся в списке ставились на голосование. Считались белые и черные шары, и победитель определялся по простому большинству. Собравший наибольшее количество голосов «за» принимал должность мещанского старосты, занявший второе место становился его товарищем или заместителем. Например, на выборах 1911 года на очередное трехлетие наибольшее количество голосов набрал Григорий Яковлевич Пономарев: 256 «за»,

20 «против». На втором месте оказался Павел Васильевич Гуляев – 156 «за», 120 «против». Оба они и составили руководство управы на срок до 1914 года. Под итоговым протоколом подписалось 276 человек – все (!) явившиеся на выборы гласные. Причем около 40 из них оказались неграмотными, но по их поручению за каждого из них кто-то в протоколе ставил визу с припиской – «за неграмотного такого-то».

Перед тем как голосовать, все выборщики подписывали т.н. «клятвенное обещание», где клялись «Всемогущим Богом перед Святым Его Евангелием и Животворящим Крестом Господним» в том, что выбирать они будут «по чистой совести и чести, без пристрастия и собственной корысти, устраняя вражду и связи родства и дружбы» и только тех, кто «по качеству ума будут способнейшими и достойнейшими» и «ревностными в службе его императорскому величеству и попечительными о пользе общественной»... «А если же я иначе поступлю, то повергаю себя в нареkanie собратий моих, а в будущей жизни отвечу перед Богом и его страшным судом».

Интересно отметить, что «для неприемлющих священства» существовал более простой текст, где упоминания о Всемогущем Боге, Евангелии и Кресте отсутствовали, т.е. уже тогда существовало некое расщепление мещан по степени религиозной приверженности. Менее одержимых было значительно меньше, кстати.

После процедуры подписания «Клятвенного обещания» проводились сами выборы. Отдельно выбирались еще 2 члена управы – также по простому большинству собранных голосов.

Делопроизводство мещанской управы велось в рамках отделов или т.н. столов. Такими были административный, бухгалтерский, податной, паспортный, больничный и по воинской повинности. Вели делопроизводство наемные работники. В 1906 году, к примеру, их насчитывалось 16 человек – бухгалтер, письмоводитель, 11 писцов и 3 сторожа. Время «занятий» в управе было определено с 9 часов утра до 2 часов дня, а потом, после перерыва, с 6 часов вечера и до 9 часов вечера. Уже тогда в управе нормой был 8-часовой рабочий день при одном выходном дне. Естественно, соблюдались все православные праздники, которые были непростутственными днями.

В том же 1906 году доходы мещанской управы складывались из платы за сдаваемые в аренду земельные участки в пределах города – таких насчитывалось шесть, платы с арендаторов строений на Верхнем базаре, там же за навесы и торговые столы, платы за старый гостинный двор, за окружной суд, за дома, вновь выстроенные на Никольской, за помещение под Единоверческое училище, с квартир и магазинов, с дома Саратовской городской управы, с ломбарда, с бывшего дома губернатора, дома на Валовой, с Яхт-клуба – всего 107920 рублей. В собственности мещанской управы находилось значительное количество крупных, средних и мелких строений и участков, дававших столь внушительный доход. Причем ежегодно общество купцов и ме-

шан обследовало все принадлежавшие ей дома и места и назначало новую арендную плату за них. Обычно каждый раз плата увеличивалась – «за лавку, арендуемую торговым домом А.В. Чирихина с преемниками под № 78, вместо 3400 рублей 3600 рублей».

Но и расходы у мещанской управы были внушительные. Они состояли в том же 1906 году:

1) из жалованья мещанскому старосте, его товарищу и членам управы;

2) жалованья «личному составу служащих» – делопроизводителям, конторщикам, приказчикам, наблюдавшим за домами, рассыльным, дворникам при окружном суде, при доме Образцова, при городской управе;

3) хозяйственных расходов – отопления, покупки и починки инвентаря, канцелярских принадлежностей, расходов на разъезды старосты с членами управы, «на печатание книг и бланков», на публикации в газетах, на покупку чая и сахара для мещанской управы;

4) благотворительных пособий на содержание учебных заведений, приютов и богаделен – 1-го Мариинского приюта, 5-го женского училища, рукодельной школы, 7-го мужского училища, школы Св. Владимира, Александровского ремесленного училища, Галкина-Врасского приюта, учебно-заработного дома, торговой школы, бухгалтерских курсов, воскресной школы, дома призрения, пособия бедным, пособия сиротскому суду;

5) стипендий в средних учебных заведениях, в честь наследника Алексея Николаевича, Саратовскому коммерческому училищу и торговой школе, в память умершего товарища купеческого старосты И.И. Савинова в коммерческое училище;

6) содержания и лечения разных лиц, выдачи пожизненных пособий, пособий за правоучение в высших и средних учебных заведениях;

7) разного рода пожертвований, на устройство памятника Александру II, пособий семействам нижних чинов запаса, призванных на военную службу, вплоть до возвращения их с Дальнего Востока.

8) содержания общественных зданий – очистки ретирад и помойных ям, дворов от снега и мусора, платы за воду, за очистку дымовых труб, платы истопнику, земского сбора, поземельного налога, платы за дрова, возведение жилых помещений, ремонт колодцев, исправление ватерклозетов, окраску крыш, мелочный ремонт;

9) найма помещений;

10) отдельных непредвиденных расходов.

Всего получилось 119521 руб. Как видим, бюджет мещанской управы в 1906 году был дефицитным. Сумма дефицита составила около 12 тысяч – деньги не такие уж большие, но, безусловно, требовавшие очень рачительного ведения дел и строжайшей экономии. Отсюда и очень тщательное, скрупулезное рассмотрение всех прошений о материальной помощи, проверка и перепроверка обстоятельств жизни ходатайствующих лиц, наличия имущества, родственников, возраста, здоровья и т.д.

А прошения такие бесконечным потоком поступали в мещанскую управу, живописуя перипетии жизни беднейших саратовских мещан.

По данным прошениям принимались мещанской управой всевозможные «определения»:

– освободить от платы за правоучение Василия Трынкина в младшем классе торговой школы по прошению его матери Евгении Александровны, мещанки. Сама Трынкина служит в людях и получает 5 рублей в месяц, вдова. Снимает комнату в Глебучевом овраге с платою 1,5 рубля. Из имущества имеет только носильное платье;

– сложить недоимку с мещанина Дмитрия Семеновича Фролова в 7 руб. 45 коп., 72 лет, неспособного к полезному труду вследствие старости, а жена – на поденных работах, имущества и средств не имеет;

– назначить стипендию общества купцов и мещан ученице 4-го класса 3-й женской гимназии Министерства просвещения Вере Гиплер по прошению ее матери, мещанки Варвары Ермолаевны. В семье еще два малолетних сына, а муж уехал на заработки, но уж год не пишет и денег не шлет. Имущество в семье только необходимое, а просительница служит репетитором в купеческой семье за 10 рублей в месяц;

– выдать единовременно 3 рубля мещанке Анне Никаноровне Плотниковой, снисходя к ее нуждам и вследствие бедности. Просительнице 63 года, страдает нервическими припадками, содержит себя рукоделием, но этот заработок весьма ограниченный.

Принимались также и иные «определения», направленные на решение тех или иных проблем, как-то:

– увольнение из мещанского общества таких-то граждан «вследствие причисления к крестьянскому сословию». Изредка бывшие мещане причислялись к купеческому или даже дворянскому сословию;

– наложение опеки на имущество мещанина Куприяна Ивановича Терентьева «вследствие его нетрезвого, расточительного образа жизни», «ибо актом дознания установлено, что ранее Терентьев имел лошадь и занимался извозчицким промыслом, а потом лошадь и сбрую продал, а деньги пропил». Сейчас «он занимается поденной работой и весь свой заработок пропивает. А у него жена и 5 человек детей. А он уже пропивал собственную одежду и собирается продать флигель, а оный в совместном владении с женой»;

– пожертвование 25 рублей на сооружение в Пензе Музея-аудитории имени Лермонтова в память наступающего 20 октября 1914 г. столетия со дня его рождения по прошению исполнительной комиссии Пензенской городской думы.

А вот интересный «приговор» мещанской управы в части исполнения рекрутской повинности. В управу обратился мещанин Степан Алексеевич Егоров с просьбой выдать общественный приговор для представления в Саратовское городское по воинской повинности присутствие на предмет «исходатайствования льготы» сыну Михаилу при отбытии воинской повинности. Приговор гласит, что «как оказалось при освидетельствова-

нии саратовским городским врачом Г. Матвеевым сын Степана Алексеевича Егорова, Михаил, страдает неврастенией и потерял 30% трудоспособности общей и специальной вследствие удара по темени железной тяжестью во время работы. Саратовская мещанская управа постановила: согласиться с заключением врача и выдать просителю С.А. Егорову сей приговор для представления в присутствие по воинской повинности на предмет предоставления льготы сыну Михаилу при отбытии воинской повинности в призыв 1911 года, в чем и подписуемся».

На попечении мещанской управы находился дом призрения, в котором в 1913 году числилось 215 человек – «неможных и больных, а также дряхлых по старости». Все они были из мещанского сословия. Расходы на содержание дома призрения утверждались ежегодно управой, и необходимые средства на содержание призреваемых регулярно выделялись смотрителю дома призрения. Показательно, что последним находились подчас и собственные источники для улучшения положения призреваемых, свидетельство чему – необычный приговор мещанской управы от 20 января 1914 года.

В прошении смотрителя указывалось, что в год на питание призреваемых расходуется до 2300 пудов хлеба и 250 пудов калача. «Вследствие дряхлости и старости призреваемых остается много хлебных корок и других хлебных остатков. На них в прошлом, 1913 году, содержались свиньи и поросята, от продажи коих было выручено 3220 рублей. Но впредь из гигиенических соображений содержать поросят и свиней вряд ли удобно. А у попечителей накопилось 300 пудов сухарей. В связи с чем попечители просят разрешить продавать хлебные остатки частным лицам по 50 коп. за пуд, а вырученные деньги употреблять на содержание дома призрения». Управа, конечно же, эту акцию по экономии средств активно поддержала и соответствующее разрешение дала.

Оказывая материальную поддержку многочисленным бедствующим мещанам, управа каждый раз принимала надлежащие меры к установлению личности просителя. Проверялась его добропорядочность, его наличие в списке мещанского общества, его аккуратность в платеже податных повинностей, и положительное решение принималось только в случае благоприятного впечатления. Визиты к просителям на предмет обследования условий проживания непременно делал член управы лично (долгие годы им был Василий Михайлович Скорняков – в период 1900–1917 гг.), который затем письменно выражал свое мнение – достоин или не достоин проситель помощи.

Беспокоилась управа и о собственных служащих и регулярно производила им дополнительные выплаты. Как уже указывалось, это случалось обычно в преддверии Пасхи и Рождества.

Поощряя добросовестных работников, управа очень строго взыскивала с тех, кто проявлял нерадение, корысть, нечестность, пытаясь разжиться за общественный счет. Так, в 1913 году на собрании общества

мещан было проведено разбирательство по делу члена управы П.М. Медведева, привезшего к себе во двор оставшиеся от строительства здания Управления РУЖД вполне кондиционные отходы – бруски, тес, доски, воспользовавшись своим служебным положением. А ранее в докладной на имя мещанского старосты Медведев называл эти отходы «хламом», годным лишь на топку печей. Реакция на «нечестное поведение господина Медведева, койи нанес обществу большой урон», была очень бурной. «Поступок Медведева ложится пятном на целое общество, в котором насчитывается 60 тысяч человек, и иметь таких представителей в управе для общества несмываемый позор», констатировали присутствовавшие на собрании. В результате мещанина П.М. Медведева рекомендовано было отстранить от работы в управе, а «его обязанности поручить мещанину Михаилу Захаровичу Степанову»...

Упомянутые 60 тысяч мещан, объединенные в мещанское общество, составляли основную часть населения Саратова. Это были, в основном, простые люди – рабочие и младший технический персонал саратовских промышленных предприятий, мелкие торговцы, служащие небольших контор, учителя церковноприходских школ, младший медицинский и технический персонал больниц, приютов, богаделен, извозчики, рыбаки, сторожа и дворники. К мещанскому сословию принадлежали и многочисленные городские ремесленники – специалисты по сапожному, портновскому, каменному и другим делам. Долгое время эта категория населения вела свой промысел «под крышей» мещанского общества и мещанской управы. Но со второй половины XIX века городские ремесленники, сообразив, видимо, что им выгоднее иметь собственную организационную структуру как умельцам и производителям материальных ценностей, организовались в собственное сообщество, названное цеховым. Оно, по примеру мещанского, избирало собственную управу и собственного старосту, призванных оберегать интересы ремесленников и вершить свою хозяйственную политику. О деятельности цехового общества и ремесленной управы мы расскажем в следующей главе.

САРАТОВСКАЯ РЕМЕСЛЕННАЯ УПРАВА

ТОЧНАЯ ДАТА учреждения цехового общества в Саратове не установлена. Но, судя по тому, что самые ранние документы в ГАСО, относящиеся к деятельности ремесленной управы, датируются 1860-ми годами, можно предположить, что ремесленники организовались в собственную структуру после реформ 1861 г., давших толчок всевозможным нововведениям в городском и земском устройстве. Хотя, бесспорно, ремесленники и цеховые мастера составляли значительную прослойку среди населения Саратова и ранее. Но тогда они орга-

низационно входили в мещанское общество, не имея собственной профессиональной структуры, действующей независимо от мещанской управы.

В основу организационного объединения ремесленников был положен цеховой принцип, потому и называлось оно цеховым обществом. В 1870-х годах и позже в его составе находилось 10 цехов:

- 1) сапожный (изготовление и ремонт всевозможной обуви);
- 2) каменный (строительство и ремонт каменных сооружений);
- 3) прядильный (изготовление пряжи, ниток, производство валенок);
- 4) каретно-кузнечный (изготовление экипажей, телег,ковка лошадей, простые металлорботы);
- 5) столярный (изготовление и ремонт мебели, деревянной утвари, плотницкие работы);
- 6) бондарный (изготовление бочек и кадешек);
- 7) серебряный (изготовление металлической посуды, предметов украшения, иконостасов, ремонт часов);
- 8) живописный (малярные работы, росписи часовен и храмов, иконопись);
- 9) калачный (хлебобулочное и кондитерское производство);
- 10) портновский (пошив одежды, головных уборов и их ремонт).

Кроме того, в цеховом обществе состояли парикмахеры, не имевшие собственного цеха, очевидно из-за малого числа специалистов этого профиля.

Каждый цех объединял несколько десятков, иногда 2–3 сотни мастеров, подмастеров и учеников. Т.е. в составе саратовского цехового общества в 1910 г. числилось около 2000 ремесленников. Трудились они в собственных мастерских, разбросанных по городу, или на местах, куда их приводили заказчики. Чаще мастерские располагались близ торговых площадей или на улицах, к ним прилегающих, но отнюдь не на тех, которые считались центральными – здесь устраивать производственные помещения, склады и амбары было неудобно – кругом лавки, магазины, транспорт, толчея народа. Много ремесленных мастерских в 1910 г. сосредоточено было на Часовенной, Б. Горной, Кирпичной, Тулупной, Царицынской, Кузнечной улицах – там, где жили простые обыватели, основные заказчики ремесленной продукции. Возглавлял каждый цех цеховой старшина, выбираемый цеховыми мастерами на определенный срок. Право голоса имели мастера, которые обладали достаточным состоянием, авторитетом и трудились в цеху достаточно долгий срок. Они же выбирали и гласных от цеха, которые потом принимали участие в выборах ремесленного головы. Это практиковалось ежегодно вплоть до 1892 года, а затем выборы и старшины цеха и ремесленного головы производились раз в три года.

Выборы считались очень ответственной процедурой. В них участвовавшие выборщики приглашались повестками. Одно и то же лицо могло избираться на должность ремесленного головы неограниченное число раз.

Так, в 1880-х годах несколько выборных сроков состоял старостой ремесленной управы некто Григорий Моисеевич Крылов, бывший сам сапожным мастером. В начале XX века долгое время возглавлял ремесленную управу каменных дел мастер Александр Николаевич Скворцов. Управа в это время размещалась в доме на Царицынской улице близ Никольской, ныне здание это не существует. Жалованье ремесленного головы в 1910 г. составляло 360 рублей в год, т.е. ежемесячно он получал 30 рублей – сумму самую среднюю для тех времен.

Каждый цех обладал определенной производственной и финансовой самостоятельностью, сам планировал и исполнял бюджет, складывавшийся из доходов и расходов. Так, например, в 1885 г. бондарный цех Саратовского цехового общества планировал доход:

- с каждого работающего мастера – 2 руб. 25 коп.;
- с каждого подмастерья – 75 коп.;
- с каждого ученика – 30 коп.

При записи в цех новичков с каждого поступившего мастера бралось 3 рубля, с подмастерья – 1 рубль и с ученика – 30 коп. Предполагалось, что весь доход бондарного цеха будет равен 450 рублям.

Расходные статьи состояли:

- из жалованья старшине цеха – 15 коп. с каждого собранного рубля;
- жалованья товарища старшины – 10 коп. с каждого собранного рубля;
- жалованья писмоводителя – 60 рублей;
- жалованья рассыльного – 52 рублей;
- платы за книги, бланки и канцелярские надобности – 15 рублей;
- платы на разные непредвиденные расходы – 5 рублей;
- платы на пособия бедным ремесленникам по усмотрению старшины – не более 20 рублей;
- платы на пожертвования в дом призрения – 10 рублей.

Всего расход составил 275 рублей, т.е. бюджет бондарного цеха был прибыльным. Часть прибыли платилась в ремесленную управу, часть использовалась на производственные нужды – покупка инструмента, материалов и т.д.

Жалованье каждого мастера и подмастерья определялось конкретной ситуацией: каков заказ, каков заказчик, сколько продукции удалось реализовать, по какой цене и т.д. Мастера, в целом, получали неплохо – до 50 рублей в месяц, иногда больше, подмастерья – 15–20 рублей, а ученики либо ничего не получали, либо небольшую сумму – до 5 рублей в месяц. Но иногда при этом имели харч от цеха, если питание было коллективным. Но в учениках ходили обычно подростки, находившиеся, в основном, на обеспечении родителей.

Процедура принятия в цеховое общество была тщательно разработанной и свято соблюдаемой. Обычно в управу являлся потенциальный претендент и представлял какой-нибудь документ, удостоверявший его квалификацию и производственный профиль. Таким документом мог быть,

например, «Аттестат», гласивший, что «дан сей Агриппине Савельевой Быковой в том, что она окончила в рукодельных классах при Покровской (на горах) города Саратова церкви полный курс кройки и шитья дамских нарядов и, выдержав установленный экзамен, оказала, вообще, п р е в о с х о д н ы е успехи, вследствие чего она признана п о д м а с т е р и ц е й, что удостоверяется надлежащей подписью и приложением печати г. Саратова 23 мая 1903 г.». На основании такого документа и с согласия старшины соответствующего цеха претендента определяли на работу к какому-нибудь действующему мастеру для помощи ему и совершенствования «ремесленного искусства».

Но чаще оказывалось, что явившийся в управу претендент не имел никакого письменного документа, подтверждавшего его навыки умельца, которыми он на самом деле владел давно и хорошо. В этом случае ему «учинялся» своеобразный экзамен в присутствии экспертов, которые давали заключение о профессиональном статусе новичка. В управе имелись стандартные бланки, которые по выдержании экзамена заполнялись и подписывались ремесленным старшиной:

«Протокол Саратовской упрощенной ремесленной управы.

Заседание 25 июня 1909 года. В управу явился крестьянин Тамбовской губернии села Толмачева Егор Иванович Соловьев, 23 лет, и просил записать его ремесленником парикмахерского ремесла. Жительство его в 4-й части г. Саратова по Александровской между Горной и Кирпичной улиц в доме Голубевой. 25 июня 1909 года Ремесленная управа, призвав в качестве экспертов мастеров парикмахерского ремесла (таких-то) по освидетельствовании пробной работы Соловьева и произведя ему надлежащее испытание, признает его достойным звания ремесленника парикмахерского ремесла. При экспертизе присутствовал член управы (такой-то). Вследствие чего определено 25 июня 1909 года Егора Ивановича Соловьева записать ремесленником по парикмахерскому ремеслу. Ремесленный старшина (такой-то)».

Обычно вновь записанный в цеховое общество попадал в подмастерья. Но если уровень его квалификации был достаточно высокий и он своим трудом и поведением умел снискать авторитет и уважение, то в скором времени мог стать мастером, т.е. уже руководителем малого коллектива. Это было столь же ответственным делом, а потому предварительно кандидат в мастера давал подписку в том, что «мы веры православной и под судом и следствием не состоим, в чем и подписуемся». А еще новоиспеченный мастер подписывал «ремесленное клятвенное обещание», отражавшее специфику цехового статуса: «В должности, мне порученной, колико есть силы поступать справедливо и беспристрастно как во всех делах, так и в тщательном старании о благополучном состоянии ремесла, о приращении искусства в ремесле, о добром порядке и согласии ремесленных, ответственю за всякие упущения, злоупотребления или неисполнение ремесленного положения. Если же инако поступлю, то подвергаю себя в нынешней жизни законному осуж-

деню, в будущей же – перед Богом и страшным судом ответу Ему и отчету. И в заключение сей моей присяги целую слова и крест Спасителя моего. Аминь!».

По выполнении всех этих формальностей мастер получал «Свидетельство Саратовской ремесленной управы» – расочно оформленный большого размера листок из плотной бумаги, в котором черным по белому было записано, что «дано сие свидетельство на основании 387 ст. ремесленного устава мастеру портновского цеха Петру Никитину Васянину, записанному в книгу мастеров под № 521 для беспрепятственного производства портновского ремесла сроком по 12 марта 1908 года с тем, чтобы, по окончании сего срока свидетельство это было возобновлено. Дабы же Васянин знал обязанность и выгоду свою, предваряется:

1. Поступать во всем по высочайше утвержденному ремесленному положению.

2. Вести себя благочестиво, поведением своим и трудолюбием подавать подмастерьям и ученикам добрые примеры.

3. К управе своей, старшинам и старшинским товарищам быть почитательным и послушным.

4. Работу по ремеслу своему производить отлично и прочно, с непременным приготовлением к назначенному по уговору сроку.

5. Чужую работу иного ремесла своею не называть и не производить.

6. С подмастерьями и учениками обходиться справедливо, учеников учить порядочно, подмастерьям плату производить в определенное время и отпуск от себя чинить с письменным свидетельством.

7. В доме своем иметь право хозяина над подмастерьями и учениками и в случае их неповиновения касательно только ремесла, приносить жалобу цеховой управе.

8. Подмастерий иногородних без дозволения цеха, а равно подмастерий и учеников без письменного свидетельства от другого мастера не принимать.

9. Все цеховые повинности аккуратно исполнять.

10. Иногородние ремесленники записываются в цех на срок их паспортов, иначе они не могут иметь мастерские и вывески и не могут иметь подмастерий и учеников.

Все удостоверяется подписью с приложением печати г. Саратова. Ремесленный голова».

Бюджет самой ремесленной управы как структуры, стоявшей над цехами, также складывался из приходных и расходных статей. В 1884 году приход состоял из поступлений:

от цехов 1573 руб., таких же канцелярских сборов 17 руб., штрафных денег 149 руб., от аренды 1248 руб., за паспортные бланки 303 руб., за книги и бланки цеховым управам 3 руб., за отсылку паспортов и билетов 9 руб., а всего 3729 рублей.

Расход ремесленной управы в том же году составил: на жалованье ремесленному голове 360 руб., жалованье письмоводителю 530 руб.,

писцу 230 руб., вахмистру 144 руб., на канцелярские надобности 81 руб., на газеты 7 руб., на отопление-освещение 81 руб., на молебны 8 руб., ремонт и поправки 8 руб., публикации в газетах 26 руб., мелочный расход 38 руб., по приговору на пострадавших при Затонском оползне 20 руб. Общий расход – 3005 руб.

Мы видим, что в отличие от мещанской ремесленная управа имела бездефицитный бюджет, и это было ее главное преимущество, стимулирующее ремесленников поддерживать свой независимый организационный статус. Причина прибыльности ремесленного дела ясна – труд ремесленников котировался на рынке выше и оплачивался дороже, чем у других категорий мещанского населения.

Причем регулярно проводились ревизии финансовой деятельности ремесленной управы, неизменно выявлявшие кое-какие нарушения, но столь же неизменно члены ревизионной комиссии делали в целом благоприятный вывод: «Мы убедились, что ремесленная управа от своей службы приносит более пользы, чем вреда, за что ее надо поощрить наградой». И поощряли, как водится, к Рождеству Христову, к Пасхе выдавали членам управы и служащим по месячному жалованью, присовокупляя к хорошим словам в адрес управы дополнительное обоснование – «ввиду дороговизны жизненных продуктов».

Ремесленная управа проводила регулярные заседания, на них рассматривала текущие вопросы и выносила «приговоры». В сохранившейся книге приговоров за 1886 год очень четко и лаконично зафиксированы «содержание дела» и «определения по оному». Приводим выдержки из книги.

«Содержание дела. Смотритель дома призрения А.К. Белов просит выдать на нужды дома призрения 10 рублей, а как такой суммы у дома призрения нет, то...

Определение. Определили из ремесленной казны перечислить в суммы дома призрения 20 рублей, которые и выдать А.К. Белову.

Содержание дела. Согласно общественному приговору постройка погребов была отдана мастеру Петру Ефимову Камерину. Ныне Камерин представил счет за работу в сумме 36 руб. и просит выдать ему деньги.

Определение. Из сумм ремесленной управы отчислить 36 рублей и выдать их Камерину согласно счету.

Содержание дела. Сапожного цеха старшина донесла (оказывается, были на таком посту и женщины!), что сапожный мастер Андрей Алексеевич Гордеев на посланные повестки в управу и в цех не явился и объяснительных причин не представил.

Определение. Сапожного мастера А.А. Гордеева за оказанное управе неуважение оштрафовать на 3 руб., а если он этот штраф в срок не уплатит, то штраф взыскать в двойном размере (вот так!).

Содержание дела. Калачная цеховая управа донесла, что Мало-Архангельский мещанин Василий Николаевич Крылов производит в Саратове булочные ремесла на правах мастера, имеет мастерскую, принимает заказы и имеет на работе подмастерьев, но таковые в цех не запи-

саны, мастерского аттестата не имеют и исполнять требования Ремесленной управы не хотят.

Определение. Подать прошение мировому судье, дабы оштрафовал Крылова на 10 рублей и принудил его записаться в калачный цех.

Содержание дела. По выслушании протокола серебряной часовой управы...

Определение: ...определили жителя, казака Лукского округа, Гадли Омар Оглы согласно 101 ст. Устава Ремесленной управы записать в цех мастером серебряного цеха и по ст.109 выдать ему аттестат на производство медного ремесла.

Содержание дела. Столярная управа донесла, что столярный мастер Иван Евграфович Пулков держит у себя на работе без дозволения цеховой управы столярного подмастерья Терентия Петрова.

Определение. Столярного мастера Ивана Пулкова за нарушение 113 ст. Ремесленной управы оштрафовать в ремесленную казну на 5 руб. И если он в срок не уплатит, то штраф взыскать вдвойне».

И так далее, примерно в таком же духе. Содержания дел и определения по ним рисуют пеструю картину жизни и деятельности цехового общества, во многом типичную для Саратовской губернии и вообще российской провинции.

Упомянутый в одном из дел дом призрения ремесленной управы существовал независимо от такого же дома при мещанской управе. Он был открыт 22 июля 1883 года в память в Бозе почившего государя-императора Александра Второго. В том году в доме призревало всего 11 человек – лица преклонного возраста (60–85 лет), потерявшие трудоспособность и не имевшие родственников. Дом содержался, в основном, на пожертвования, но управа постоянно поддерживала призреваемых небольшими денежными дотациями. В 1887 году в ремесленном доме призрения находилось уже 23 человека (из них женщин – 14). Дом существовал вплоть до 1918 года, будучи одним из заметных центров, говоря современным языком, социального обеспечения трудовых людей. В стенах его нашли последний приют и какое-то утешение многие саратовские умельцы-мастера, долгие годы работавшие на благо города.

Кстати, личность государя-императора Александра Второго издавна была популярна среди саратовских ремесленников. Когда в апреле 1866 года в Петербурге Д. Каракозовым было совершено покушение на «царя-освободителя», то в том же году 27 августа саратовский ремесленный голова Алексей Копьев явился к губернатору князю В.А. Щербатову и передал ему письменный «приговор» цехового общества о желании изготовить в память «о чудесном спасении драгоценной жизни его императорского величества» двух икон «во имя благоверного князя Александра Невского с изображением на них преподобных Иосифа и Зосимы и мученицы Фервуры». Одну из икон решили преподнести в дар государю-императору, а другую оставить в городе и хранить ее в специально сооруженной часовне, средства на возведение её обязывалось добыть це-

Александр-Невская часовня на Театральной площади, построенная на средства Саратовского цехового общества в 1875 г.

освящено, и управа выделила деньги на подготовку проекта часовни. Его выполнил местный архитектор А.М. Салько, автор многих жилых и казенных зданий в Саратове, в том числе и ныне сохранившихся. Известно, что, разрабатывая проект часовни, Алексей Маркович предполагал украсить ее снаружи аллегорическими изображениями деяний Александра II, но у ремесленной управы оказалось недостаточно средств, и проект получился упрощенный. Но даже и в этом виде миниатюрное здание часовни отличалось привлекательностью форм, добротностью и хорошей функциональностью. Строительство часовни было закончено в 1869 году, но отделка ее продолжалась до 1875 года, ибо средств у ремесленной управы постоянно не хватало. 16 сентября 1875 года часовня была открыта для верующих. Поскольку приписана она была к Александро-Невскому собору, в народе ее называли Александро-Невской.

В 1910 году после обновления ее алтаря на средства купца Егорова преосвященный Гермоген освятил часовню во имя иконы Божьей Матери «Богоносный источник». В 1933 году часовня была снесена, а через 65 лет, в 1998-ом, стараниями саратовского губернатора Д.Ф. Аяцкова (30-го в перечне саратовских губернаторов и первого после длительного перерыва 1917–1996 гг.) часовня была восстановлена и освящена преосвященным Александром в день Светлого Христова Воскресения 19 апреля 1998 г.

Ныне она украшает Театральную площадь и напоминает нам о богоугодной деятельности ремесленной управы в старом Саратове. Жаль, что изготовленная местными умельцами серебряного и живописного цехов икона Божьей Матери, хранившаяся в часовне с 1875 года, безвозвратно утрачена. По свидетельству очевидцев, и сама икона, и «сребро-злащенный оклад» к ней были подлинными произведениями искусства.

ховое общество. Об инициативе ремесленной управы доложили государю, и тот, одобрив начинание, через Министерство внутренних дел благодарил саратовское цеховое общество за выражение верноподданнических чувств планируемое изготовление икон и строительство часовни.

По согласованию с Городской думой место для часовни было выбрано на Театральной площади – «близ Нового гостиного двора, у бассейна». Вскоре оно было

САРАТОВСКИЕ ОКРАИНЫ – СЛОБОДКИ, ПРИГОРОДЫ, ПРЕДМЕСТЬЯ

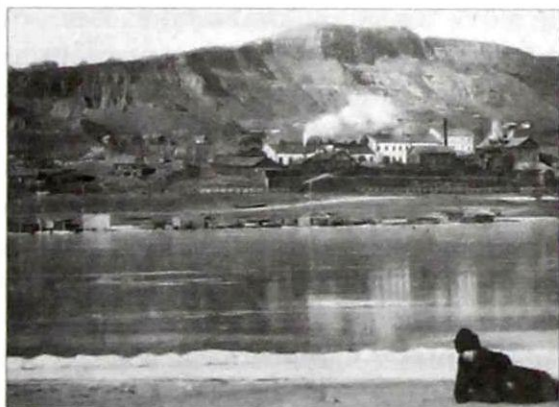

РИ ВСЕЙ ПЕСТРОТЕ населения, проживавшего в центральных кварталах Саратова на рубеже XIX–XX веков, значительная, если не основная часть его, принадлежала все же к представителям дворянского, купеческого и духовного сословия. В центре жили чиновники губернских и городских учреждений, крупные и средние торговцы, промышленники, владельцы дорогой недвижимости, преуспевавшие врачи, инженеры, адвокаты, преподаватели лучших гимназий и училищ, служители епархиального управления, настоятели центральных саратовских храмов и причт, высшие военные чины. Что касается простых обывателей, то обычными районами их обитания были тихие и небогатые улочки на городских окраинах, а также слободы и предместья – как некие характерные структурные составляющие старого Саратова, сложившиеся в процессе его исторического развития. Население, проживавшее в удаленных от центра кварталах, составляло абсолютное городское большинство – до 65% от общего числа жителей – и принадлежало, главным образом, к мещанскому сословию. При этом каждая окраинная слободка (или предместье) имела свои специфические приметы и отличия, объяснимые особыми обстоятельствами их прошлого и настоящего, своеобразными топографическими, демографическими и социально-экономическими условиями.

Приволжская часть Саратова, хотя и расположенная близко к городскому центру, заселена была больше представителями низших сословий, образуя в составе города три обывательских «микрорайона» со своими характерными порядками и правилами жизни, местным пейзажем и колоритом, местными «бедами и напастями». Это – Затон, Миллионная улица и Улеши.

Затон – старый речной термин, в принципе обозначающий «защищенный от ледохода и течения участок водного пространства, служа-

Виды Затона

щий для отстоя и ремонта судов». Эту свою немаловажную функцию саратовский Затон выполнял. Известно, что еще в XVIII веке сюда, в слабопроточную заводь, именуемую Тарханкой, собирались на зиму суда и большие лодки, которые замерзали тут на открытой воде, а весной оттаивали, не беспокоимые всеокрушающим ледоходом. Здесь эти «плавсредства» ремонтировались в преддверии новой путины, и возникновение в этом районе ремонтных промышленных предприятий в середине XIX века обязано такой потребности. Уже в 1843 году открылось здесь первое в Саратове механическое заведение купца Кутина, впоследствии перешедшее к А.В. Чирихиной – чугунолитейный заводик, в функции которого входил и ремонт судов. В пору своего расцвета завод даже производил небольшие суда с паровыми двигателями, и численность рабочих на нем доходила до 400 человек. Большинство их проживало в том же Затоне – в прилегавшем к берегу поселке, в деревянных избах, примостившихся на уступах Соколовой горы и возле Глебучева оврага. Палисадники, лавочки, голубятни, огороды на задах, где рассаживались подсолнухи и картошка, и обязательно были деревянные жульничьи над откосами. Откосы быстро покрывались мусором и экскрементами, а потому «благоухали» гниющими отходами и карболкой и буквально «сотрясались» гулом огромных зеленых мух. Но в саратовском понимании Затон был скорее не местом стоянки и ремонта судов, а окраинным и заброшенным районом города, источником всяких бед и напастей, главными из которых были оползни, отмечаемые здесь с незапамятных времен. Периодически наблюдатели указывали, что, к примеру, «в основании Соколовой горы, что близ Глебучева оврага, сделался оседь почвы на ширину 100 сажений». И что «учинились многие разрушения частных и казенных построек, из-за чего пострадало немало домовладельцев из самого бедного класса». Особо разрушительными были оползни весной 1913 года, когда многие рабочие семьи остались без крова, и губернатору князю А.А. Ширинскому-Шихматову пришлось публиковать пылкое воззвание в «Саратовском листке» к имущим классам и жителям города с просьбой помочь «несчастливым жертвам», кто чем может – «деньгами, питательными продуктами, платьем и принадлежностями»... Сердобольные земляки откликнулись, да и Городская дума кое-что (немалое) выделила, хотя и высказалась по этому поводу, что-де район этот «есть головная боль Саратова и, по всему, конца-края этой боли не видно»...

Под такой огорчительной характеристикой имелись в виду не только оползни, но «и отсутствие в оном отдаленном районе порядка и законности». Тот же «Саратовский листок» в начале XX века сообщал, что «в Затоне публика проживает беспокойная, и случаев не нравственного поведения здесь отмечено довольно». Среди этих случаев упоминались «приставание к прохожим с наступлением сумерек», «битье освещающих фонарей с изыманием керосина из оных», «непотребные выражения, произносимые всуе и громко, что оскорбительно для слуха благородного человека» и главный

бич – «сильное пьянство среди обывателей, сопровождаемое оранием песен и драками с членовредительством».

Но в будничное затишье царили в Затоне мир и благодать. Летними днями голубела внизу Волга, лутили на завалинках семечки старушки, ребятишки с крыши «таранили» змей, а белая домашняя коза щипала травку на краю обрыва...

Если Затон и сейчас используется в прежнем качестве и донине является «местом отстоя и ремонта судов» (на базе бывшего завода Чирихиной действует Саратовский судоремонтный завод), то Миллионная улица давно стала экзотическим архаизмом старого Саратова, исчезнувшим под напором времени.

Расположенная в непосредственной близости от Волги, она шла параллельно вышепролежавшей Покровской улице на участке между Московским и Бабушкиным взвозами. Это был узкий и кривобокий переулочек, застроенный ветхими лачугами и разваливающимися сараями.

*Из прежних улиц города
Особенна одна,
Оврагами распорота
И свалками полна.*

*Заборы сплошь дырявые,
Крылечки, закутки,
Завалинки трухлявые
Вдоль берега реки...*

Так писал о Миллионной саратовский краевед и художник Борис Михайлович Мозер (1920–1994 гг.), лично ее наблюдавший во времена своего детства и отрочества.

Наиболее популярной версией происхождения необычного названия ее является та, согласно которой улицу наименовали так в насмешку за нищенство ее обитателей. Жили здесь беднейшие слои, примыкавшие к люмпенизированной среде – грузчики с волжских пристаней, спившиеся капитаны и механики, полууголовные элементы и нищие – «галахи», сторожа береговых причалов и складов, рыбаки, дворники, рабочие пароходных обществ.

Пожалуй, стоит подробнее рассказать о быте саратовских грузчиков – как очень типичной для нашего города категории людей. Волжский берег всегда был местом интенсивной разгрузки-погрузки многочисленных барж и грузопассажирских судов, чалившихся у саратовских пристаней. Разгрузка и погрузка обыкновенно были срочным делом – в купеческом мире поговорка «время – деньги» была особенно актуальной. Поэтому-то и не скупилась промышленные люди, нанимая артель грузчиков, только бы скорее разместить привезенные товары – бочки и кули – в собственных лабазах и начать торговые операции.

Артель грузчиков подряжалась на работу за аккордную плату. Все условия обговаривал с хозяином старший артели – «дядька»: самый сильный, сметливый и опытный работник, уважаемый и авторитетный в своей среде. Такой и разброд в артели пресечет грозным словом или кулаком, и за общие интересы постоять сумеет, если хозяин вдруг начнет «мухлевать» при найме или при расчете.

На волжском берегу

лавки посредине, нары по стенам – здесь днем обедали, а ночью отдыхали, сотрясая стены дома богатырским храпом. Грязь, теснота, неудобства. При артели работал кашевар, готовивший трижды в день нехитрое варево – кулеш либо борщ с мясом (по полфунта на человека), либо свежего улова уху, кашу пшеничную либо гороховую, квас, молоко, чай. Резал огромными ломтями хлеб, ставил на стол соль, лук, чеснок. В конце лета в ходу были помидоры, огурцы, арбузы, дыни.

График работы артели был очень плотным. Трудились от зари до зари, прерываясь на час-полтора для обеда и короткого отдыха. Чаще всего приходилось разгружать баржи с мешками, бочками, рогожными кулями. Обычный вес единичного груза составлял 5–8 пудов, что было вполне под силу здоровым, кряжистым мужикам, не ведавшим усталости, простуд, недомоганий, свойственных обычным людям. Большим бичом среди волжских грузчиков было пьянство. Получив расчет, гуляла артель в прибрежных кабаках, пропиваясь до последней нитки, оглашая окрестное пространство громовыми песнями, матерными ругательствами и непременной дракой.

Но и работать грузчики умели, и картина каждой очередной разгрузки всегда оказывалась впечатляющей: огромный, богатырского сложения бородатый мужик в лаптях несет по качающимся сходням два пятеричных мешка с мукой, да еще цыгаркой дымит, то и дело требуя освободить ему дорогу: «Барин, па-а-азволь!»

В ночлежках и кабаках на Миллионной улице «ошивались» и откровенные уголовники – воры, проститутки, мошенники, разбойные люди, их периодически во время полицейской облавы задерживали и препровождали в участок. Но имелись здесь и жилища мирных добропорядочных граждан – обывателей, кормившихся Волгой и поденной работой. В тесных дворах кудахтали куры, на мусорных свалках рылись собаки и кошки, в сараях похрюкивали свиньи и блеяли овцы. Ребяшня гоняла по пыльной улице обрuch, играла в чижы и клек...

В артели обычно работало 12–15 человек, все здоровые, крепкие мужики в возрасте 20–40 лет, привыкшие к тяжелой физической работе. Чаще это были выходцы из деревни, прибывшие в город на заработки и обретшие здесь свою нелегкую в буквальном смысле профессию. Артель снимала на летний сезон комнату в прибрежной ночлежке или же грузчики жили в неприглядных номерах на Миллионной улице. Стол и

Беспрецедентным событием в жизни Миллионной улицы в 1908 году стала проводка рельсового пути и установка силовых тяг 2-го маршрута трамвая «Вокзал – Волга», который одиночным вагоном ходил по Немецкой улице.

Курсировал трамвай по Миллионной от Полицейской улицы до Бабушкиного взвоза, обеспечивая максимум удобств для прибывших паромом пассажиров: от пристани до остановки в полую воду было метров 20 всего-то. В зимнее время трамвай не ходил, а улица была в глубоких сугробах и безлюдии. Бедные здешние жители, не имевшие в большинстве своем подходящей для зимы одежды и обуви, отсиживались в заваленных снегом избушках, ждали тепла...

Ныне на месте Миллионной – каменные парапеты и лестницы набережной, зеленые террасы и асфальтовые аллеи. Чисто, красиво, удобно. Только в памяти человеческой сохранится и та дорогая саратовцам улица со смешным названием как отголосок прежних дней, как исчезнувшая, но незабвенная реликвия прошлого.

Известным обывательским районом в старом Саратове была также т.н. Улешовская слобода. Предание утверждает, что в начале XIX века на месте ее тянулся глухой лес, по краю которого шла большая торговая дорога из Саратова на низовые города. Здесь, у лесного урочища, находилась когда-то почтовая станция, которую содержал бывший волжский ушкуйник (т.е. разбойник) по имени Алексей Ребро. Ему-то, как рассказывал писатель Николай Алексеевич Минх, и обязаны Улеши своим названием.

«Где б достать борзую тройку – покататься на масленой?» – вопрошали знающих людей местные купцы. «У Леши», – отвечали им. «Где б подыскать лихих ребят, чтоб помогли умыкнуть у староверов приглянувшуюся девку?» – «У Леши». Так и было все – у Леши да у Леши... Прямо незаменимый человек. В одно из межеваний, когда городские землемеры заносили данные съемки на карту (было это в 1870-х гг.), они взяли да и написали на ней привычные два слова слитно – вот и получилось «Улеши».

На рубеже XIX–XX веков Улеши были рабочим пригородом, в котором находилось много промышленных, торговых и коммерческих предприятий. Отравляли здесь местный воздух городские боины, где бойцы продавали приходившим бабам ливер и требуху, упот-

Район Улешей. Церковь Красного Креста.
Отрог Кладбищенского оврага

97003-1

ребляемые в бедных семействах в пищу. Под крутым берегом шли исады – торговые места, где в садках кишела рыба, привозимая из окрестных приволжских селений: Синеньких, Узморья, Золотого. Торговцы ловко подхватывали полупудовых сазанов и судаков из живорыбиц большими черпаками и бросали их, трепыхающихся, на весы. Здесь постоянно стоял шум, гам и крики торгующих вразнос баб.

А над всем районом возвышались двадцатисаженные красного кирпича паровые мельницы с дымящимися трубами – собственность первогильдийных купцов Степашкина, Богословского, Бореля. Во дворах мельниц скапливалось много подвод, подвозивших зерно или увозивших муку. Откормленные лоснящиеся битюги, выбивая копытами искры из уличного булыжника, то и дело вытягивали в гору телегу, груженую пятеричными мешками с отпечатанными на них двуглавыми орлами и надписями «2-я голубая» – то был лучший сорт саратовской крупчатки.

Бойко торговали в Улешах заведения по продаже «питательных продуктов» – «Хлебный курень» мещанина Огуреева, нарядное дощатое строение с большим золотым кренделем вместо вывески и колокольчиком над дверью, извещавшим хозяина о приходе посетителя, и бакалейная лавка второгильдийного купца Карякина с вывеской, на которой была намалевана петушиная голова и красовалась кривобокая надпись «Яйца и мясо своих кур».

Населяли Улешовскую слободу извозчики, рабочие нобелевских нефтяных складов, лесных пристаней, паровых мельниц, поденщики с кожевенного завода и городских боен, рыбаки, ремесленники, учителя начальных школ и младшие церковные служители. По воскресным дням благовестили над округой колокола Иоанно-Предтеченской церкви, называемой в народе «Красный Крест», перекликаясь с недалекими Ильинским и Казанским храмами. Вечерами на пяточках под переливы саратовской гармошки веселилась местная молодежь – пела частушки, плясала, обменивалась новостями и нещадно щелкала каленные семечки. Зеленели палисадники, высились в глубине дворов голубятни...

Упомянутая Казанская церковь (а точное ее название – «Во имя иконы Казанской Богоматери») построена в 1905 году в центре т.н. Солдатской слободы, которая с открытием в этом районе в 1898 году волоочно-гвоздильного завода Гантке начала интенсивно заселяться новонабранными рабочими. Название свое слобода получила по прошлой причастности этих мест к ведению местного военного ведомства. С давних пор, с начала XIX века, эта территория летом отдавалась под проведение учений, смотров и маневров, их инспектировали периодически даже высочайшие особы, оказываясь в Саратове проездом. Здесь в период мая–сентября функционировали летние солдатские лагеря, где нижние чины (да и верхние) проходили выучку и службу в полевых условиях. К концу XIX века район этот по близости к городу стал усиленно застраиваться казенными и частными домами, и летний солдат-

ский городок был перебазирован в Татищево. Но долгое присутствие в этом месте военных отразилось в названии возникшей слободы: так она и именовалась Солдатской вплоть до конца 1920-х годов.

В начале XX века значительную территорию Солдатской слободы занимал упомянутый проволочно-гвоздильный завод братьев Гантке (их было, кстати, аж четверо – Фаддей, Густав, Альфред и Генрих Бернардовичи – все германские подданные). В 1898 году они откупили у города 15 десятин 116 сажен городской земли «между Солдатской слободой и Астраханским почтовым трактом за 45 тысяч рублей». Завод, естественно, дал начало жилому поселку, при нем уже на рубеже XIX–XX веков заработали кузница, бондарная мастерская, три салотопенных и пять сапожных заведений, три трактира, три бакалейных и две хлебных лавки с пекарнями. Собирался в Солдатской слободе и небольшой базар.

В 1903 году слобода со всеми своими жилыми кварталами и заведениями вошла в городскую черту. Ну и, естественно, вскоре построили и освятили здесь церковь, о которой мы уже говорили – Казанскую. Мещанин П.С. Миловидов пожертвовал ей банковский процентный капитал с вечного вклада в 1000 рублей. Сначала продлили до слободы линию конки, а в 1909 году пустили сюда трамвай, надежно связав благоустраивающуюся заводскую окраину с городским центром. Жили здесь в основном, рабочие семьи – в маленьких деревянных домиках с зелеными палисадниками. Ритм обывательской жизни был связан с заводом – по гудку спешили в горячие и холодные цеха, по гудку возвращались домой. Условия были нелегкими – рабочий день 10–12 часов, жалованье – самое среднее, жизненных удобств – минимум: вода в колодцах и колонках, дрова, печки, холодные нужники, общественные бани, редкие развлечения и удовольствия. И, конечно, частые нужда, болезни, пьянство. Поселковые женщины имели обыкновение приходить в день полочки к заводской проходной, чтобы выходящих мужей «отвратить» от кабака и увести вместе с деньгами домой, спасая семью от последующих нехваток и долгов.

Солдатская слобода была окраинным городским поселком, за ним на несколько километров вниз по Волге никаких обжитых мест не встречалось до самого Увека. Одно из первых упоминаний об Увеке сделано в 1253 году известным путешественником Вильгельмом Рубруком. Тог-

Станция Нефтяная на Увеке

да это был сначала поселок, а потом город в пределах владений Золотой Орды. Во времена хана Узбека (середина XIV века) Увек, а более точное его древнее название Укек, характеризовался в сохранившихся записках арабского купца как «город средней величины и красивой постройки с обильными благами». Он считался третьим по величине городом могущественного золотоордынского ханства после двух его столиц Сарая-Берке и Сарая-Бату.

Но просуществовал он сравнительно недолго – всего до 1395 года. По одной из версий его разрушил Тамерлан. Однако более поздние исследования этот факт не подтвердили, ибо следов военных операций на территории бывшего Увека и прилегающей местности никогда не находилось. Высказывалось мнение, что город погиб от огромного оползня, уцелела лишь незначительная часть его, которая вскоре была покинута жителями, а также некрополь, находившийся на значительном расстоянии от берегового обрыва и не попавший в зону оседания почвы.

Версия эта выглядит правдоподобной, ибо предрасположенность к оползневым явлениям нагорной части волжского берега установлена давно.

Долго стояло Увекское городище разрушенным и опустевшим. Некое возрождение этого места произошло уже после основания Саратова – в XVII веке, когда возник здесь небольшой поселок из двух десятков дворов, населенный теперь уже русскими людьми. Долгое время, как свидетельствуют некоторые источники, жители нового Увека обретались тут, занимаясь рыболовством, огородничеством да ... добычей камня из разоренных древнеувекских построек, он грузился на телеги и отправлялся в Саратов, где употреблялся и для мощения улиц, и для возведения домов, амбаров и лабазов, и для устройства погребов. Лишь в середине XIX века просвещенные люди спохватились – разрушался ведь ценный археологический памятник. Кое-какие раскопки в конце XIX – начале XX веков здесь удалось провести, но уцелело и обнаружилось археологических реликвий не так уж много...

До 1890-х годов в районе бывшего Увека существовал т.н. «русский поселок», где проживало до сотни обывателей. Три десятка домов; церковь, две лавки да трактир. Занимались местные жители все тем же – рыболовством и огородничеством, и жизнь здесь была тихая и скучная. Не часто беспокоилось разоренное Увекское городище, куда иногда наезжали «ученые люди» из Саратовской архивной комиссии, проводили здесь раскопки, находя в изобилии монеты, черепки посуды, остатки жилищ, кости и черепа. Часть этих находок и ныне можно видеть в экспозиции областного краеведческого музея. На горе Каланча, рядом с тем же «русским поселком», с середины XIX века существовало имение саратовского дворянина, адвоката Александра Яковлевича Шабловского, который наезжал сюда по воскресным дням, а будние проводил в Саратове. Здесь же, в загородном имении, пребывал Александр Яковлевич и в вакационное время – в тишине, на све-

жем воздухе, в виду великолепного волжского пейзажа, открывавшегося с высокой горы Каланча...

С проведением железной дороги к нашему городу вскоре протянули ветку и к южной его окраине. Построена была здесь станция Увек, потом станция Нефтяная (со складами Нобеля), обустроена береговая пристань, где разгружались грузовые пароходы с оборудованием и материалами для нужд железнодорожного ведомства. Уже тогда – на рубеже столетий – существовала в районе Увека паромная железнодорожная переправа. Подгоняемые прямо к береговой кромке вагоны по 3–4 закатывались на огромный паром, который транспортировался к левому берегу, где производилась обратная операция и формировался состав на Уральск. С установлением стойких морозов и образованием достаточно крепкого льда по нему прокладывались рельсы, и лошадки бойко перетягивали одиночные вагоны на противоположную сторону Волги, где железнодорожные служащие заново составляли разобранный эшелон. Чтобы сократить время межсезонья в период весеннего ледохода, на Увекской акватории в марте – начале апреля работал специальный ледокол, освобождая плес от ледяного панциря для готовившегося к действию парома. Естественно, что для столь разнообразных и хорошо оплачиваемых работ привлекалось и население Набережного Увека. Это нарушило давнюю и мирную увекскую идиллию – загудели и засвистели паровозы, загрохотали лебедки, зашлепали по воде колеса работающих буксиров. И стал Увек в значительной мере промышленным саратовским пригородом, населенным в том числе и рабочим людом. Идея устройства здесь железнодорожного моста высказывалась еще до революции. Представительная депутация города с необходимыми расчетами и обоснованиями ездила в Петербург в преддверии грозных событий в Европе и в России и добилась высочайшего утверждения грандиозного проекта. Но начавшаяся Первая мировая война, а затем революция помешали скорой его реализации, и железнодорожный мост в районе Увека появился только в 1935-м.

Окружающие Саратов холмы местные жители всегда называли горами. Поговорка «кругом горы, а посредине воры», ранее употреблявшаяся применительно к нашему городу довольно часто, как нельзя лучше характеризовала и особенности топографии Саратова, и его традиционно высокриминальное население, столь типичное для «понизовой вольницы», куда спешили и где устраивались для житья-бытья беглые крепостные, бродячий люд из бурлаков и бывших каторжников, нищие и «беспаспортные сходцы».

«В обрамлении красивых гор лежит город в живописной местности, улицы у него правильные, а народ здесь живет: великороссы, малороссы, казаки, немцы да татары...» – так характеризовал Саратов один из иностранных путешественников, проезжавший по Волге в начале XIX века. Иностранец верно подметил главную ландшафтную особенность Саратова, расположенного в уютной долине, прикрытой с трех сторон невысокими холмами – Алтынной, Лысой и Соколовой горами.